

Обмен заложницы государства Ли прошёл очень быстро. Прямо перед отъездом Мяо Гуан окинула Фэн Мина быстрым взглядом — в её глазах таилась неясность. Посланник Силэй отправился в дорогу и спустя месяц, не обманув надежд, вернулся с Жун Ху.

Жун Ху возвращался, и это невероятно обрадовало Ле Эра. Получив спешное письмо, юноша ранним утром уже был у столичных ворот, ожидая приезда старшего брата.

Едва увидев обоз с развевающимся знаменем Силэй, Ле Эр стегнул коня и помчался навстречу.

— Старший брат!

— Ле Эр? — Так же сидя верхом на лошади, Жун Ху, охваченный чувством удивления и радости, спросил: — Ты не во дворце, а у городских ворот, но зачем?

— Узнав, что ты сегодня возвращаешься, я специально отпросился у государя. Император Ли мучил тебя? — Юноша, натянув поводья, стал кружить вокруг брата, детально рассматривая его.

Жун Ху покачал головой:

— Не обошлось без лёгкого наказания. Но, так как императору Ли необходимо было обменять меня на его любимую младшую сестру, он не предал меня казни. Иначе... боюсь, если и не убили, то покалечили бы.

— К счастью, князь Мин уговорил государя. Идём, мы отправимся во дворец, где встретимся с государем и князем Мином.

— Хорошо. Переоденусь, и сразу же отправимся.

Юношам было по семнадцать и восемнадцать лет. Сейчас, когда Жун Тяня не было рядом, они показывали своё ребячество и, оставив неторопливый обоз позади себя, мчались в город, стегая коней.

Фэн Мин, узнав, что Жун Ху в безопасности, тоже необычайно обрадовался и приказал Чиу Лань и девушкам приготовить множество лакомств, чтобы со всем гостеприимством встретить юношу. Старший брат ел и пил с Ле Эром, который рассказывал, как Фэн Мин уговаривал Жун Тяня пойти на компромисс, и бесконечно благодарил князя, чуть ли не плача.

Множество людей в зале наследного принца галдели до полудня. Жун Тянь, вернувшись из зала аудиенции, позвал Жун Ху в тайную комнату, чтобы тщательно всё расспросить.

— Как тебя схватили?

— Жун Ху, узнав, что государь собирается с помощью хитрого плана заполучить противоядие от Мяо Гуан, отправился не к тому отшельнику, а в столицу Ли, чтобы собрать сведения, где позже выяснил, что Жо Янь внезапно, возглавляя войско, тайно покинул город и, по-видимому, отправился в Силэй. Я тотчас же отправил эту новость государю. — Жун Ху сказал со вздохом: — Передавший письмо государю тайный посланник, когда по возвращении связался с Вашим подчинённым, к сожалению, был пойман, в результате место, где скрывался Ваш подчинённый, рассекретили.

Жун Тянь кивнул, говоря:

— Я знал, что ты не мог по неосторожности раскрыть своё местонахождение, и оказалось, проблема крылась в тайном посланнике. В таком случае здесь нет твоей вины.

Жун Ху покраснел от стыда и, опустив голову, ответил:

— Однако государь ради меня уже пойманную принцессу Мяо Гуан...

— Мяо Гуан не более чем ничтожная принцесса, где ей сравниться с моим верным человеком?
— Жун Тянь махнул рукой, запрещая Жун Ху вновь упоминать об этом, и задумался на миг: — После того как тебя схватил Жо Янь, он лично вёл допрос?

— Жо Янь, подвергшись нападению государя, с позором вернулся в Ли, где узнал, что солдаты поймали вашего подчинённого. Он лично четыре раза допрашивал Вашего слугу и, возможно, из-за того, что Ваш слуга — необходимый козырь, не посмел прибегнуть к тяжкому наказанию.

— Если бы он раньше схватил тебя, тогда раскрыл бы, что на границе Силэй его ждёт засада, и в итоге смог бы тайно напасть на меня. — Жун Тянь холодно фыркнул, в глазах мелькнула неприязнь, и мужчина продолжил спрашивать: — Жо Янь спрашивал о чём-нибудь?

— Спрашивал про пограничные заставы Силэй, о тенденциях военной политики, как сдох Ся Гуань и есть ли у государя талантливые люди.

— Ты, разумеется, знал, как ответить.

— Верно, ваш слуга попусту скандалил, сбивая с толку и плетя бред. Жо Янь понял, что я несущу вздор, и всё равно сдерживался, не прибегая к тяжким наказаниям. Всё, что ему оставалось — злиться на себя.

Жун Тянь тепло поглядел на него и, вздохнув, произнёс:

— Я знаю, что методы Жо Яня жестоки, его лёгкое наказание тоже тяжело стерпеть. Ты подвергся мучениям.

Глаза наполнились слезами, и юноша рухнул на колени:

— Ради Силэй чего стоят страдания Жун Ху?

— Хорошо, ты устал. Сначала иди отдыхать, а через два дня снова придёшь во дворец встретиться со мной. После ты будешь нести службу с Ле Эром, защищая Фэн Мина вместе с братом.

— Слушаюсь. — Жун Ху поднялся на ноги и хотел уже было идти, но, внезапно что-то вспомнив, развернулся:

— Ваше Величество, есть ещё одно дело, и оно Вашему слуге показалось странным.

— Что за дело?

— Жо Янь лично допрашивал Вашего слугу четыре раза, дотошно интересуясь о делах государя независимо от того, насколько они были важны или незначительны. А вот насчёт князя Мина, однако же, он не поинтересовался.

Мужчина поднял густые брови и, ненадолго задумавшись, медленно ответил:

— Я понял, ты можешь идти.

— Слушаюсь.

Жун Ху покинул тайную комнату, оставив Жун Тяня в одиночестве глядеть на висящую на стене картину.

В этом беспокойном мире был ещё один человек, который, не подавая виду, хищно, как тигр, смотрел на Фэн Мина — Жо Янь.

Счастье действительно не может длиться вечно.

Во дворце наследного принца раздавались радостные голоса и смех, приветствуя июнь, что являлся первым месяцем сбора урожая пшеницы в Силэй.

Фэн Мин за последние месяцы стал достаточно рассудительным и всё больше и больше соответствовал титулу князя Мина.

Он взял за правило каждый день вставать вместе с Жун Тянем и по полчаса практиковаться в верховой езде, ещё полчаса тратить на кэндзюцу [1]. Возвращаясь во дворец наследного

принца, юноша садился завтракать, после отправлялся советоваться с учёными Силэй, получая знания об основах всех государств, а возвращаясь, составлял компанию Жун Тяню за обедом. Фэн Мин не выходил гулять, во дворце наследного принца он писал по памяти элементарные познания современного военного искусства, чувствуя, что они пригодятся Жун Тяню.

Цю Лань и девушки поначалу говорили, смеясь, что все правила соблюдать наверняка не получится. Вопреки ожиданиям, Фэн Мин действительно был настроен решительно, исключая те рассветы, когда юноша после страстной ночи с Жун Тянем не мог встать вместе с ним и идти практиковаться. В остальном же он старался соответствовать требованиям, ничего не оставляя Цю Лань и остальным слугам, кроме как вытаращить глаза и раскрыть рот от изумления.

Что же касается самого Жун Тяня, то его сильно ошеломило потрясающее военное искусство, которое было написано в большей степени по памяти Фэн Мина.

Мужчина выразил благодарность, конечно же, в стоящей во дворце наследного принца большой постели.

— Князь Мин вернулся, чему сегодня научились у наставника Хэяна?

Фэн Мин спешно вошел в комнату, сел и стал пить поданный Цю Син горячий чай.

— Оказывается, в Силэй есть чудесные лекарственные травы. Раньше я предполагал, что такие травы растут только в Ли. Ах, если бы я знал китайскую медицину, то мог бы искусство врачевания Силэй поднять к новым вершинам, заставляя императора Ли Жо Яня харкать кровью.

— Китайская медицина?

— Вам не понять, — Фэн Мин вздохнул. — На самом деле китайская медицина за длительный период истории утратила множество уникальных рецептов.

Пока юноша вздыхал от тяжёлых переживаний, вернулся Жун Тянь, обсудив политические вопросы, и с улыбкой на всё лицо сказал:

— Этот год принёс небывалый урожай пшеницы, и всё благодаря твоей идее террас. После обеда мы отправимся взглянуть на богатый урожай.

Фэн Мин подпрыгнул:

— Здорово, а то мне невыносимо скучно.

— Я предполагал, что тебе, должно быть, скучно. — Мужчина встал, сделал шаг вперёд. Наклонив голову, он внимательно поглядел на взволнованного Фэн Мина и, шутя, сказал: — Ты несколько месяцев был очень послушным, а это редкость.

— Ах, посмел насмеяться над князем Мином?! — Фэн Мин пристально поглядел на него.

Цю Син, смеясь, захлопала в ладоши и, обернувшись к Цю Юэ, прошептала:

— Ха, ты обычно, услышав, что мы идём гулять, шумишь непрерывно, а сегодня-то почему такая спокойная?

— Тсс, я как раз выражала благодарность Владыке неба. В конце концов мои молитвы услышаны, и князь Мин надумал выйти погулять. Оставшись здесь, князь Мин захандрит, и я тоже умру с тоски.

— Ха-ха-ха... — подслушивающие сзади Ле Эр и Цю Лань разразились смехом.

Жун Тянь махнул рукой, говоря:

— Идите, готовьтесь, после обеда отправляемся. Я уже приказал дворцовой охране ждать снаружи.

— Слушаемся! — в один голос ответили слуги и с огромной радостью отправились собираться.

Выйдя из дворцовых ворот, вся компания услышала громкое ржание.

Цок-цок, цок-цок.

Шум ветра смешивался с цокотом копыт, которые поднимали лёгкие клубы пыли.

Любимый конь Жун Тяня Байюнь, внезапно выскочив, как вихрь, из-за угла, неожиданно остановился перед толпой. Те ретивые лошади, что до этого привела императорская охрана, испугались его и в смятении увернулись, ещё больше подчеркнув силу императорского коня.

— Байюнь! — восторженно крикнул Фэн Мин.

Обычно в дворцовом парке Фэн Мин тренировался верховой езде на другой лошади, лишь с Жун Тянем он мог прокатиться на Байюне. Но он несколько месяцев не выходил на улицу и, конечно же, всё это время не виделся с этим высокомерным, старинным другом.

Байюнь опустил голову и, высунув язык, лизнул руку Фэн Мина.

Жун Тянь подошёл к юноше и сказал со смехом:

— Ты в последнее время не выходил из дворца, и Байюнь соскучился по тебе. Сегодня я поеду на другой лошади, а Байюнь пусть остаётся тебе.

— Без шуток? — глаза Фэн Мина заблестели.

— С сегодняшнего дня он твой. Когда он был ещё жеребёнком, я лично заботился о нём, теперь же эта ответственность ложится на твои плечи.

Фэн Мину верилось с трудом. Вытаращив глаза, юноша поглядел на Жун Тяня, а потом на Байюня, с сомнением говоря:

— Не надо мне лгать.

— Государь не шутит. Когда я тебе лгал? — серьёзно сказал Жун Тянь.

«Когда ты мне лгал? Есть над чем поразмышлять».

Хоть юноша тихо шептал это себе под нос, однако понял, что Жун Тянь действительно хочет подарить ему Байюня. В итоге, не сдержав радости, Фэн Мин бросился на шею Жун Тяню и крепко поцеловал его в губы. Развернувшись, Фэн Мин вскочил на коня и громко сказал, звонко смеясь:

— Теперь Байюнь мой. Ха-ха, мы отправляемся смотреть террасовые поля! — Фэн Мин уже не был тем неопытным юнцом, который впервые оседлал Байюня. За последнее время юноша стал довольно высоким и сейчас, сидя на коне, выглядел выдающимся и доблестным мужчиной. В глазах Жун Тяня появились радость и тоска: в будущем такой человек обязательно станет известным и за его идеи будет биться не только Жо Янь.

Байюнь, по-видимому, уже понял, что Фэн Мин стал его новым хозяином, и решил показать молодому князю свои величественные манеры. Не дожидаясь, когда Фэн Мин взмахнёт плетью, конь громко заржал, опустился на четыре копыта и, взяв на себя главенствующую роль, устремился вперёд.

После месяца усердных тренировок навыки верховой езды у Фэн Мина стали более отточенными. Жун Тянь, не беспокоясь, что юноша может свалиться с коня, оседлал другого поданного ему жеребца и беззаботно последовал за ним.

Стоящие в стороне Цю Лань и девушки, прикрыв руками улыбки и проводив взглядом двух отличных наездников, стали обсуждать:

— Мы едем верхом или в повозке?

Цю Юэ зашумела:

— Конечно же верхом, какой смысл сидеть в повозке?

— Но князь Мин сказал, что сегодня хочет нагуляться вволю, и приказал нам взять еды и ехать с ним. Можно ли, держа корзину с едой, ехать верхом?

— Корзину с едой можно поставить в повозку, и пока князь Мин находится рядом с государем, нам вовсе не обязательно следовать за ним вплотную. Мы воспользуемся свободным временем и, сев верхом, поедем где-нибудь ещё погуляем. — Мнение Цю Син как раз совпадало с мыслями сестрицы Цю Юэ.

— Еду государя и князя Мина никак нельзя оставлять без присмотра, это дело крайне важное. Либо нам нужно найти того, кто присмотрит за ней. — Цю Лань задумалась и, внезапно посмотрев на Ле Эра, захихикала: — Обычно за продуктами приглядываем мы, девочки, но на этот раз настала очередь Ле Эра.

— Э? Вы трое тайно поедете верхом, оставив меня сидеть в повозке и приглядывать за едой?

— Ле Эр — наилучший вариант, ты такой сообразительный, неужели не сможешь присмотреть за корзиной с едой? — Цю Юэ без долгих слов вручила увесистую корзину в руки Ле Эра, обнажая льстивую улыбку.

— Великолепно, а мы — седлать коней. Ле Эр будет умницей. — Захлопала в ладоши Цю Син.

Цю Лань, тоже смеясь, оседлала коня и, сдерживая животное, приказала:

— Ле Эр, садись в повозку и отправляйся за город. Для пикника князя Мина свита уже приготовила место. Сегодня мы как следуем повеселимся, а ты немного потрудишься.

Очень вспльчивая Цю Юэ скорчила гримасу Ле Эру и, махнув плетью, рванула вперёд.

Мгновение — и три девчонки умчались, не оставив ни тени, ни следов.

— Не забудьте вернуться вовремя, не следует ждать, что кто-нибудь будет прислуживать князю Мину за ужином! — вытянув шею, прокричал Ле Эр, оставшись позади. Не зная, то ли плакать ему, то ли смеяться, юноша взял корзину с едой и забрался в повозку. — Отправляйся за город на приготовленное место.

Фэн Мин ехал впереди, а за ним по пятам следовал Жун Тянь, за которым, естественно, следовали императорские охранники, неся флаг Силэй.

Никто не осмелился препятствовать этому войску. Ситуация была такой, словно принцесса Диана ехала по городской магистрали, привлекая к себе множество зевак, которые толпились с двух сторон. Внушающий трепет Фэн Мин без помех добрался до городских ворот и, остановив лошадь, стал ждать Жун Тяня. Эта небольшая остановка собрала ещё больше зевак, которые стали перешёптываться:

— Чьих кровей будет этот юный господин?

Юноша крайне редко покидал дворец и не бывал на крупных собраниях — конечно же, простолюдинам он был незнаком. Одно мгновение, и Жун Тянь уже был рядом, а сзади него развевался императорский флаг. Этот флаг императора Силэй был знаком каждому. Люди немедленно опустились на колени и громко воскликнули:

— Ваше Величество!

Громкие возгласы и быстро преклоняющие колени люди заставили Фэн Мина вытаращить глаза и раскрыть рот от изумления. Услышав рёв толпы, юноша вздрогнул от испуга.

«Жун Тянь вступил на престол несколько месяцев назад, чем неожиданно завоевал симпатию народа?»

Сам же Жун Тянь уже давно привык к такой торжественной ситуации. И увидев, как народ благоговейно преклоняет перед ним колени и все чтят его, Жун Тянь почувствовал внезапный прилив гордости и со смехом сказал:

— В этом году пшеница дала богатый урожай, Силэй больше не нужно просить у соседей хлеба на зиму. Нынешний император решил: три дня в стране будет длиться праздник, позволив народу Силэй хорошенько отметить это торжественное событие.

Радостные вопли стали ещё громче:

— Да здравствует император!

— Да здравствует император!

Императорский флаг в оглушительных возгласах толпы развевался на ветру, на вышитом золотом драконе отражалось июньское солнце. Фэн Мин, восседая в стороне, смотрел на превосходство Жун Тяня, тихо радуясь.

Сам же мужчина осторожно помахал рукой, останавливая шумное одобрение толпы, и громко произнёс:

— Богатый урожай мы получили только благодаря новопостроенным террасам и водяному колесу. Вам известно, кто это придумал?

Люди один за другим прокричали:

— Князь Мин!

— Верно, князь Мин!

Жун Тянь обернулся и, с улыбкой поглядев на Фэн Мина, незначительно проговорил:

— Разверните флаг.

Стоящая сзади стража тотчас же бросилась выполнять приказ.

Один высокий стражник, держа в руках длинную палку, обмотанную полотном, подъехал сзади к Фэн Мину и быстро развернул ткань.

В тот же миг за спиной Фэн Мина раскрылся большой флаг.

На полотне золотой нитью был вышит феникс, который с нетерпением рвался ввысь, а снизу большими буквами было написано — «Мин».

Толпа вдруг осознала, что, оказывается, сегодняшней появившийся статный юный господин — это князь Мин, которого император прятал во дворце.

— Князь Мин!

— Верно, князь Мин!

Толпа с гулом и крайне воодушевлённо дважды поклонилась. Жизнь народа была наполнена муками, а голод был самой тяжёлой проблемой. А Фэн Мин, придумав террасы и водяное колесо, увеличил урожай, чем, конечно, заслужил искреннюю поддержку граждан.

Фэн Мин впервые оказался в подобной ситуации. Он даже во сне представить себе не мог, что станет любимцем народа. Сидя верхом, юноша смотрел на происходящее перед ним широко открытыми от удивления глазами, ощущая, как невольно его ноги и руки парализует от волнения.

Жун Тянь направил коня к юноше и, приблизившись, с лёгкостью в голосе промолвил:

— Дракон и феникс, я и ты разделяем эту страну.

— Почему сразу не сказал мне, что этот флаг...

— Разве в прошлый раз ты не говорил, что я не внимателен, не романтик? Увы, твоих новых слов действительно много, а мне остаётся лишь изо всех сил угождать тебе.

Фэн Мин очень глубоким взглядом поглядел на Жун Тяня, и слёзы сдавили горло.

Жун Тянь, пристально глядя на юношу, тихо пригрозил:

— Фэн Мин, если ты разрыдаешься, то я сегодня не сопровожу тебя посмотреть рисовые поля.

— Пф, не думай, что я тронут до слёз, — отвернулся Фэн Мин и, передёргивая вожжи, похлопал коня по голове: — Байюнь, поехали за город. Я хочу, чтоб ты мчался быстрее ветра!

Байюнь заржал, встав на дыбы, и, как будто отозвавшись на настроение Фэн Мина, топнул копытами, поднимая в воздух жёлтую пыль.

Он покинул столицу, мчась во весь опор.

У подножия гор, где были выстроены террасы, повсюду вдоль берега можно было увидеть водяные колёса. Помимо тех, что нарисовал Фэн Мин, там ещё было несколько водяных колёс, сделанных искусными мастерами Жун Тяня.

Под ярким солнцем немало крестьян, обратив лицо к земле, а спину к небу, спешно убирали урожай.

Звонкий смех и радостные улыбки отпечатались в глазах Фэн Мина.

Небывалое чувство гордости охватило сердце.

В этом беспокойном веке он больше не являлся молчаливым и безымянным актёром второго плана.

— Фэн Мин, твоя верховая езда хоть и улучшилась, но всё же не стоит так быстро мчаться, — давая волю коню, прокричал скачущий позади Жун Тянь.

Фэн Мин как будто и не слышал его, мысли пролетали так же быстро, как и окружающий пейзаж. После бешеной скачки, хватая воздух ртом, юноша наконец натянул поводья и остановил коня. Спрыгнув с Байюня и обратившись к бескрайним золотисто-жёлтым полям, он преклонил колени к лёссовой земле, давая клятву:

— Какая бы ни ждала беда, Фэн Мин нисколько не сожалеет, что попал в эту эпоху! Нисколько не сожалеет, что повстречал Жун Тяня!

Жун Тянь внезапно вздрогнул, спрыгнул с коня и тоже встал на колени рядом с Фэн Мином и, окидывая взором великолепный вид Силэй, клятвенно произнёс:

— Какая бы ни ждала беда, Жун Тянь защитит! — Сделав паузу, он обернулся и поглядел на Фэн Мина, прошептал: — Фэн Мин, я не позволю тебе сожалеть.

После полудня июньское солнце стало сильнее припекать.

Созревшая пшеница золотистой россыпью колыхалась на ветру, смущённо склоняясь.

На лёссовой земле плечом к плечу, преклонив колени, стояли двое и тихо смотрели друг на друга.

— Жун Тянь, ты же сказал, что если я разрыдаюсь, то ты не сопроводишь меня посмотреть террасовые поля.

— Я лишь сказал, что не сопровожу тебя посмотреть террасы, но не говорил, что не сопровожу на прогулку. Сейчас мы террасы уже посмотрели, так что продолжим гулять.

Фэн Мин молча посмотрел на него и, слегка сжав губы, внезапно заплакал.

Жун Тянь притянул его голову к своему плечу, ощущая, как тело юноши содрогается от волнения.

«Вместе с тобой разделю этот великолепный мир».

«Мирскую суету и его радости разделю вместе с тобой».

«Лишь беды я в одиночку буду преграждать».

Гор в Силэй было не так много, но огромным достоянием являлись горные пейзажи, которые невозможно было охватить взглядом.

Полюбовавшись террасами, Жун Тянь и Фэн Мин, дав волю лошадям, отправились посмотреть на самую величественную гору. Привязав у подножия лошадей, юноши рука об руку взобрались на холм, осуществляя давнее желание: как придёт весна, они вместе поднимутся на гору.

Стража, задыхаясь, следовала за ними, очень тяжело пришлось двум нёсшим флаги императора и князя Мина охранникам, которым нужно было взобраться на гору, всё так же высоко держа знамёна. Время от времени им приходилось осторожно наклонять флаги, чтобы ветки деревьев не распороли развевающиеся полотнища.

Фэн Мин, ведать не ведая, что идущей сзади охране тяжело, наслаждался прогулкой. Испытывая огромное воодушевление, юноша поднялся на гору и пристально глядел вдаль: на реку, что пересекала землю, на золотисто-жёлтую пшеницу, которая радовала сердце и глаз, на силуэты трудящихся крестьян, съёжившихся до размеров муравьёв.

— Смотри, там царский дворец. — Жун Тянь по очереди указывал на маленькие и величественные дворцы. — Там дворец наследного принца, а там — опочивальня императора.

Фэн Мин дерзко поглядел на него:

— Оказывается, у тебя есть собственная опочивальня, почему же ты постоянно ночуешь во дворце наследного принца?

Жун Тянь сквозь смех ответил:

— Если ты согласишься переехать в мою опочивальню, то я не буду ночевать во дворце наследного принца.

— Масляные уста и скользкий язык [2], — Фэн Мин покачал головой, слегка вздыхая, и рассмеялся. Внезапно закатив глаза, юноша обнажил странную улыбку: — Давай посостязаемся: кто лучше скажет слова любви. Выиграю я — и сегодня ночью ты позволишь... быть сверху.

Мужчина медленно покачал головой:

— Меня не обманешь: выиграешь ты, тогда я позволю тебе быть сверху, но если выиграю я, как быть?

Замысел раскрылся. Фэн Мин, хихикая, скорчил гримасу и перевёл разговор в другое русло.

Пробыв на горе с час, двое юношей спустились вниз и отправились к давно подготовленному для отдыха месту.

Сидя во дворце, Фэн Мин уже давно умолял устроить хороший пикник, чтобы насладиться романтикой современного человека. Когда он увидел разбитый лагерь, а не поляну для пикника, тотчас же вытаращил глаза и раскрыл рот от изумления.

На огромном участке разбитого лагеря возвышались два развевающихся на ветру флага, также там были расположены не менее пяти удивительно больших, ярко освещённых палаток. Лишь снаружи палатки стояла состоявшая в свите прислуга, с другой же стороны можно было увидеть не менее тридцати человек, пять-шесть высоко полыхающих костров заливали светом половину неба.

Жун Тянь самодовольно произнёс:

— Устроено неплохо? Я заставил вырубить переднюю часть леса, так можно будет увидеть чистую реку.

— Это что, пикник? — В глазах Фэн Мина пикник выглядел несколько иначе: несколько человек расстелили бы на земле небольшое покрывало, потом, вместе сев и немного перекусив, затянули бы песни. А в действительности это просто пристанище кочевников.

— А что-то не так? Ты сказал, что хочешь перекусить на свежем воздухе и попеть песни, я специально приказал музыкантам и певцам подготовить новые песни и разучить танцы.

Только сейчас стало ясно, какими бывают императорские манеры.

Ле Эр, пробыв довольно долгое время в этом лагере, выскочил навстречу, говоря:

— Приветствую государя, приветствую князя Мина. Время уже позднее, князь Мин проголодался или нет, ужин сразу подать?

Жун Тянь кивнул и спросил юношу:

— Фэн Мин, где бы ты хотел поужинать?

— На берегу реки.

— Приказываю развести огонь на берегу реки, а музыканты и певицы пускай на том берегу выступают.

И в сей же миг толпа спешно поднялась с места.

Прибыв раньше, Цю Лань и девушки быстро накрыли стол и, прислуживая Жун Тяню и Фэн

Мину, с шумом рассказывали, какой забавный случай с ними приключился.

Цю Син со смехом сказала:

— Мы всю дорогу слушали, как кто-то восхвалял князя Мина, говоря, что князь Мин является посланием Небес в помощь государю.

Жун Тянь, услышав это, очень обрадовался и, расхохотавшись, сказал:

— Через месяц состоится церемония большого жертвоприношения Небу, и я обязательно поблагодарю Небо за то, что подарило мне Фэн Мина.

С противоположного берега звуки музыки и песен слабо доносились до ушей под покровом ночи, блики красного костра дарили чувство, похожее на сон.

Поддавшись оживлённой атмосфере, Цю Юэ после колкости Ле Эра в её сторону отважилась взять медный барабан музыканта и, стуча по нему, запела. Фэн Мин расхохотался, безостановочно награждая её поощрительными возгласами.

Ле Эр не собирался отступить и прокричал:

— Стоит ли считаться с этим? Я тоже кое-что покажу: восемнадцать переворотов обезьяны. — Говоря это, юноша подпрыгнул и, поднявшись на ноги, безостановочно стал совершать кувирки.

Перекувырнувшись на одном дыхании восемнадцать раз, юноша вновь подскочил к Цю Лань и, воспользовавшись случаем, влил девушке в уста вина. Цю Лань, немного замешкавшись и не приняв меры, поперхнулась и закашлялась.

Стоящие в стороне Цю Син и Цю Юэ захлопали в ладоши, награждая юношу поощрительными возгласами. Жун Тянь, увидев, что Фэн Мин радуется, тоже принял участие в общем веселье и, вручив стакан вина Ле Эру, приказал:

— Три служанки хорошо прислуживают князю Фэн Мину, и нынешний император награждает их: каждой преподнести вина.

— Слушаюсь!

Ле Эр, услышав волю императора, стал ещё более дерзким и, радостно хихикая, насильно влил в уста каждой девушки вина. Из-за воли императора они не осмелились выказывать неповиновение и с неохотой выпили, поблагодарив Жун Тяня за награду.

Цю Юэ дерзко поглядела на Ле Эра:

— Мы втроём напьёмся — посмотрим, кто будет ухаживать за князем.

Тихая угроза служанки тем не менее долетела до ушей Жун Тяня, и тот сказал, смеясь:

— Можно, сегодня смело пейте, а я поухаживаю за князем Мином.

Чиу Ю высунула язык, покраснев. Фэн Мин ещё больше покраснел и хотел было запустить бокалом в Жун Тяня, но, вопреки этому, Жун Тянь влил в его уста два бокала вина один за другим.

Царский большой круглый обеденный стол стоял на траве. Люди и прислуживающие князю слуги сидели за ним, пили и ели, сходя с ума.

После ужина Фэн Мин был очень пьян, естественно, подарив Жун Тяню сладкую возможность пораспускать руки.

— Фэн Мин, нужно возвращаться во дворец.

От вина лицо Фэн Мина было ярко-алым, а сам юноша, непрестанно опираясь на плечо Жун Тяня, покачал головой:

— Не нужно возвращаться, во дворце слишком скучно.

Он от природы любил развлекаться, а последние несколько месяцев томился во дворце, заставляя себя заботиться о великих делах Жун Тяня, что в корне не соответствовало его характеру. Сегодня, напившись, юноша выкинул из головы все дела, считая, что ежедневные тренировки и учёба во дворце — действительно слишком скучные занятия.

В душе прекрасно понимая и глядя на его жалостливое нежелание, Жун Тянь взвалил юношу на спину, со вздохом сказав:

— Присваивать мир изначально не являлось твоим желанием. К чему себя заставлять?

У мужчины, в душе испытывающего муки совести, рука не поднималась возвращать Фэн Мина во дворец. Однако сегодня он с самого начала рассчитывал лишь поужинать и вскоре вернуться во дворец, к тому же совершенно ничего не было подготовлено к ночлегу.

Стоящий в стороне Ле Эр тихо напомнил:

— Государь, тут неподалеку резиденция третьей принцессы Фаньцзя.

Фэн Мин внезапно поднял голову, сказав:

— Верно-о, мы очень давно не виделись с принцессой. Мы сегодня ночью будем ночевать там.

— Договорив, юноша пьяно уронил голову на плечо Жун Тяня.

Не желая расстраивать Фэн Мина, Жун Тянь кивнул:

— В таком случае переночуем у третьей принцессы. — После, приказав слугам и музыкантам возвращаться во дворец, мужчина взял Фэн Мина, Цю Лань с девушками и ещё нескольких охранников и отправился в резиденцию третьей принцессы.

Примечание:

[1] Искусство фехтования.

[2] Обр. в знач.: сладкоречивый, льстивый, вкрадчивый.

<http://bllate.org/book/13377/1190084>